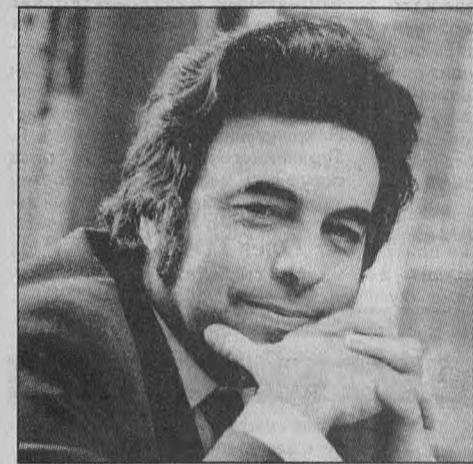

Гарри ГРОДБЕРГ: *Моск. правда. - 2004. - 15 янв. - с. 5* За выступления перед политбюро

мне не заплатили ни копейки

В начале января 75-летний юбилей отметил народный артист России, лауреат Государственной премии, один из самых ярких - в России и в мире - органистов Гарри Гродберг. Благодаря именно его активной деятельности - как музыканта и просветителя - органная музыка в нашей стране уже не является такой экзотикой, как это было полвека назад.

- Гарри Яковлевич, консерваторию вы закончили сразу по двум классам: фортепиано и орган. Если с фортепиано все более менее понятно - этот инструмент имеет чуть ли не в каждой четвертой московской квартире, то как в вашей жизни возник орган!

- Органная музыка околдовала меня еще в детстве, потому что я родом из немецкой части Литвы. Там, где я родился и вырос, влияние немецкой культуры, в том числе и музыкальной, было чрезвычайно велико. Как музыкант я всегда являлся фанатичным приверженцем Баха. Ну а в творчестве Баха произведения для органа составляют существенную часть. Поэтому я всегда мечтал быть властелином этого универсального инструмента.

- Где-то вы вычитали, что вы были первым музыкантом в России, сыгравшим сольный концерт на органе.

- Это так, но только отчасти. Разумеется, я не претендую на то, что был первым, кто дал в нашей стране концерт органной музыки. Но раньше, даже еще в 50-х годах XX века, органной культуры в таком виде, как она существует сейчас в России, действительно не было. Большинство органных концертов в то время проходили с участием других исполнителей: хор, струнные... Я действительно был одним из первых, кто поломал эту традицию.

- Правда ли, что ваше первое сольное выступление состоялось благодаря Свято-славу Рихтеру!

- По его рекомендации меня приняли в Московскую филармонию, где я работаю с 1955 года. Рихтер дружил с моим учителем Александром Федоровичем Гедике. Поэтому со Святославом Теофиловичем я довольно часто общался. Он любил со мной говорить по-немецки, которым владел свободно. Приятно, что Рихтер высоко ценил мои музыкальные способности. Когда передо мной встал вопрос, как жить после окончания консерватории (органов тогда было мало, и я играл только с оркестром и хором и в начале своей карьеры фактически нищенствовал), Рихтер сказал, что верит в меня и мое будущее. И позвонил в дирекцию филармонии, куда меня сразу же приняли на договор. Правда, без гарантии оплаты. Объяснили: «Рекомендация Святослава Рихтера - для нас закон, но скажите, молодой человек, на какие средства вы собираетесь жить? Ваш Бах народа не соберет». Но я был уверен, что такая страна, как наша, рано или поздно повернется в сторону великого искусства органа. И оказался прав, потому что на первые же мои концерты, посвященные Баху, народ повалил в Большой зал консерватории. Да и дальнейшее доказало правоту моего решения, которое тогда было очень нелегким.

- Служению этой идее вы посвятили всю жизнь, и благодаря вам в нашей стране было установлено несколько десятков органов.

- Точное число инструментов, появившихся при моем участии, затрудняюсь вам назвать. Где-то около семидесяти. Я придумал путь приобретения органов через Варшавский договор. Наша страна как участница СЭВ покупала оборудование и товары в обмен на наши промышленные изделия и сырье. И мне пришло в голову, что точно таким же образом можно привозить в нашу страну органы. Так был образован Совет по органостроению, который возглавлял чиновник (на разных этапах это были разные люди), а я являлся его заместителем и делал практически

всю работу, связанную с проектированием, подготовкой и установкой. Мне пришлось очень многому учиться на ходу. По сути, с годами я приобрел вторую специальность.

- Есть ли из этих семи десятков наиболее дорогие для вас инструменты!

- Это примерно то же самое, что спросить у родителей, кого из своих детей они любят больше. Все инструменты мне очень дороги, и я до сих пор озабочен их судьбой и состоянием, хотя многие из них сейчас принадлежат странам СНГ. Но тогда порой я чувствовал себя как буржуазный специалист в 1917 году. Мне нередко приходилось приезжать в города, где секретари обкомов требовали установить орган, не имея для этого никаких условий, - только потому, что тогда это считалось престижным. И мой шеф, председатель совета по органостроению, не раз посылал меня черт знает куда объясняться с очередным партийным руководителем. Одного из своих руководителей я даже как-то спросил: «Слава, почему ты не можешь позвонить и сказать, что по таким-то и таким-то причинам инструмент у вас установить невозможно?» Он мне ответил: «Гарри, если я так сделаю, буду должен тут же положить на стол свой партийный билет, потому что эти люди просто не понимают что к чему. Ну а ты специалист, к тому же беспартийный, ты умеешь с ними разговаривать и сможешь им все объяснить». Мне постоянно приходилось выполнять такие щекотливые миссии. Иногда дело доходило до абсурда. Как-то приехал в город, где целых три дня меня возили по различным достопримечательностям вроде винзавода, сауны, мест рыбалки и охоты, а когда я взмолился: «Покажите мне наконец место, где собираются установить орган», мне показали полуразрушенное здание старой мельницы из красного кирпича, к тому же без крыши. Естественно, инструмент установить там было невозможно.

- Когда вы начинали свою деятельность, орган, наверное, воспринимался неким пришельцем западной культуры и захлестнувшая наше общество в начале 50-х борьба с космополитизмом не ударила ли вас рикошетом!

- Я столкнулся с другими проблемами. У меня, прибавленного еврея, для тех лет была очень плохая анкета. Только с начала перестройки передо мной начали открываться двери - в смысле зарубежных поездок, званий и так далее. До того я был для подобных вещей как бы заморожен, хотя очень много выступал и вел огромнейшую общественную работу, причем совершенно бесплатно. Ведь все, что я делал по линии органостроения, никак не оплачивалось, несмотря на то, что отнимало массу сил и времени.

- С проявлениями ярого антисемитизма доводилось сталкиваться!

- Да, ведь в те годы это было официальной политикой, я постоянно на себе чувствовал. Помню, директор филармонии, объясняя, почему он не может для меня сделать то или иное, как бы извиняясь говорил: «Мы все к тебе хорошо относимся, очень тебя любим, но ты же должен понять, что у тебя очень плохая анкета». Пятый пункт отчасти заблокировал всю мою деятельность, это тяжело отразилось на моем развитии, однако я все-таки выстоял.

- Но при этом, рассказывают, иногда даже с гастролей вас вызывали в Пицунду играть для отдыхающих там членов политбюро. Значит, с некоторыми из партийных боссов вас связывали личные отношения!

- Да, я играл для Суслова, Андропова, Кириленко, Капитонова, Косыгина, Шеварднадзе и многих других. Эти концерты всегда для меня были неожиданными, поскольку о предстоящем выступлении мне сообщали в последние минуты. Помню, однажды в аэропорту Одессы меня вызвали в справочное бюро и сказали, что я должен сдать свой билет в Москву, потому что мне предстоит лететь в Сухуми. В Сухумском аэропорту меня сажали в черную «Волгу» и везли в Пицунду. Никакого личного общения, а тем более каких-то отношений с членами политбюро не было и быть не могло. Ведь дистанция между руководителями страны и музыкантом, который к тому же не являлся ни народным, ни даже заслуженным артистом, была огромна. Они меня слушали, через местного руководство передавали свою благодарность, дарили цветы, иногда ящик с вином... Но за все свои выступления перед ними я ни разу не получил гонорара.

- А нынешнее руководство как к вам относится!

- В 2002 году я получил Государственную премию, за год до этого - звание народного артиста. Вероятно, это можно считать выражением хорошего ко мне отношения. Так что сейчас жаловаться вроде бы не на что, хотя, конечно, проблема взаимоотношений людей искусства и чиновничества существует во все времена. Ров между нами вечен. И это очень большая тема, которая почти никогда не зат-

ригивается. В советские годы противостояние между музыкантами и номенклатурой носило более примитивные формы, сейчас оно несколько завуалировано, хотя суть осталась. Казалось бы, я, народный артист, человек, делающий постоянные аншлаги, по идее, должен иметь максимально благоприятные условия, чтобы служить своему слушателю. Между тем зачастую все происходит наоборот. Но изменить тут что-либо очень сложно, ведь сила и власть находится в руках у чиновников, и любое упоминание об этих проблемах бумерангом ударит по мне.

- На концертах вы в основном играете музыку XVIII - XIX веков, а современные композиторы для органа пишут!

- Разумеется. Современными композиторами для органа написано огромное количество музыки. У меня есть целая коллекция произведений, посвященных мне, которые я впервые исполнял. Одна из последних работ - «Идиллия» и «Баллада» Алексея Муравьева, композитора старшего поколения, заслуженного деятеля искусств, лауреата Сталинской премии. Они были очень тепло встречены публикой.

- Так или иначе, орган воспринимается как атрибут старины. Есть ли будущее у этого инструмента!

- С таким же успехом можно сказать, что атрибутом старины является вся классическая музыка. Наверное, правильнее поставить вопрос чуть по-другому: а есть ли вообще у нее будущее? Хотя лично я верю в бессмертие классической музыки и в то, что это одна из высших точек развития человеческой культуры. Но в целом мы видим ослабление ее значения для современного общества. Если посмотреть телевизор, поговорить с молодежью, видно, что число энтузиастов этой культуры все время уменьшается. Даже среди моих знакомых довольно много людей, которые просто боятся классической музыки.

- Как вам кажется, почему на телевидении и радио в основном звучит попса, рок!

- Это один из феноменов, который в нескольких словах объяснить очень сложно.

- А как вы сами относитесь к легкой музыке!

- Я частично воспринимаю джаз, мне нравится небольшое число хороших эстрадных песен. А все остальное - это просто ужас. Конечно, кто-то может сказать, что я человек другого поколения. Но кроме пристрастий и привычек, есть и объективные критерии. Например, если в какой-то песне идет бессмысленное повторение двух-трех слов, к тому же наложенное на примитивную мелодию, - это ниже всякой критики.

- Признаться, вы меня слегка удивили фразой, что являетесь частичным приверженцем джаза. А на органе вы никогда не пробовали играть джаз!

- Джаз - это искусство, которое живет своей самостоятельной жизнью. Правда, сейчас мы очень часто имеем дело с явлением, которое мне не очень нравится: некоторые музыканты, как бы извиняясь перед публикой за то, что они занимаются классической музыкой, или боясь, что их деятельность на попроче пропаганды настоящего искусства недостаточна для любви зрителей, пытаются расширить свой репертуар за счет джаза, эстрады и так далее. Но чтобы объяснить суть классической музыки, вовсе не надо прибегать к таким популяризаторским приемам! Она наполнена такой глубиной и гуманизмом, что способна все рассказать о себе сама.

- В какой из московских залов вы бы посоветовали нашим читателям сходить на концерт органной музыки!

- В Москве я больше всего люблю орган Зала имени Чайковского, который считаю лучшим в России. Он на уровне лучших европейских инструментов. У нас существует миф о каких-то необыкновенных органах в европейских храмах. Это не всегда соответствует действительности. Атмосфера концертов в западных церквях очень специфическая, сухая и официальная. Как правило, там не видишь публики, там не принято аплодировать...

- На концертах вам assisteрует ваша супруга. Наверное, счастливая семейная жизнь - одно из условий вашей успешной деятельности!

- Безусловно. Без жены для меня нет концерта, она моя бессменная ассистентка уже много лет. По образованию Наташа музыкальный педагог, довольно успешно работала в музыкальной школе. На репетициях она мне очень помогает, потому что, разучивая новое произведение, я обязательно должен услышать его со стороны, чтобы правильно расставить акценты. Каждый концерт мы обсуждаем, некоторые моменты разбираем до мелочей. А познакомились мы с ней совершенно случайно, на дне рождения одной общей знакомой. Вообще, чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что все в нашей жизни происходит случайно...

Александр СЛАВУЦКИЙ.